

РАЗДЕЛ II. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира, Средних веков и Нового времени

УДК 904:72

Коровчинский И.Н.

Московский государственный областной университет

ИЕРАРХИЯ КУЛЬТОВЫХ ОБЪЕКТОВ В ХРАМЕ ОКСА В ТАХТИ-САНГИНЕ

I. Korovchinskiy

Moscow State Regional University

HIERARCHY OF CULT OBJECTS IN THE OXUS TEMPLE AT TAKHTI-SANGIN

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, какой культовый объект из числа находившихся в храме Окса в Тахти-Сангине (Северная Бактрия, совр. Южный Таджикистан) был наиболее значимым для этого храма в эллинистический период. Первооткрыватели храма, Б. А. Литвинский и И. Р. Пичикян, предложили считать таковыми алтари огня, однако М. Бойс и К. Рапен высказали сомнение в правильности данной точки зрения, хотя и не обосновали его подробно. В статье путем подробного анализа архитектуры, скульптуры и стратиграфии храма обосновывается правильность точки зрения М. Бойс, согласно которой основными объектами почитания в храме Окса были статуи, а культ огня играл второстепенную роль.

Ключевые слова: религии древнего мира, храмовая архитектура, Древний Иран, Бактрия, эллинизм, культовые статуи, культ огня.

Abstract. The article is an attempt to define one of the most significant cultic objects in the Oxus Temple at Takhti-Sangin (Northern Bactria, modern southern Tajikistan) in the period of Hellenism. The fire altars of the temple were considered its most sacred objects by its discoverers, B. Litvinskiy and I. Pichikyan. M. Boyce and C. Rapin disagreed with their opinion but didn't give any detailed substantiation. A detailed analysis of the architecture, sculpture and stratigraphy of the temple makes us agree with M. Boyce's opinion, according to which the main objects of worship in the temple were cult statues, while the role of the fire cult was secondary.

Key words: ancient religions, temple architecture, Ancient Iran, Bactria, Hellenism, cult statues, fire cult.

©Коровчинский И.Н., 2012.

Работа выполнена на средства гранта Президента Российской Федерации для молодых ученых – кандидатов наук МК-3263.2012.6. Автор благодарит Совет по грантам Президента Российской Федерации за финансовую поддержку.

Храмовый комплекс, посвященный богу реки Окс (Амударьи) и еще одному неизвестному божеству¹ на территории городища Тахти-Сангин (Южный Таджикистан), раскопки которого продолжаются с 1970-х гг. по настоящее время, является наиболее крупным из выявленных до сих пор культовых объектов эллинистической Бактрии. Исследователи храма придерживаются различных точек зрения на его датировку: согласно И.Р. Пичикиану, он был возведен в конце IV в. до н. э., согласно Б.А. Литвинскому – в начале III в. до н. э. [2, с. 367-368]. В конце II в. до н. э. он пришел в запустение в результате захвата Бактрии кочевниками-юэчжами. Позднее, в I в. до н. э. – I в. н. э. он был восстановлен в несколько измененном виде и функционировал до окончательного разрушения в III-IV вв. н. э. [2, с. 179-184]. В данной статье рассматривается состояние храма в эллинистический период (IV/III-II вв. до н. э.)

Ансамбль храма Окса (см. рис. 1) состоял из двора-теменоса и храмового здания [2, с. 118-134]. Во дворе находились два алтаря небольшой высоты (0,65 м) [2, с. 169-175], колодец, две цистерны (углубления, обложенные кирпичом) и два постамент. На одном из последних стояла бронзовая статуя, от которой сохранились ступни и крепёжная заливка. Статуя была выполнена в греческом стиле и отличалась монументальностью; ее высота, исходя из пропорций, характерных для греческого искусства, составляла около 5 м [2, с. 123]².

Само храмовое здание состояло из прямоугольного основного ядра и двух боковых крыльев. Между крыльями и перед фасадом храма находился 8-колонный портик³.

¹ Относительно второго культа в храме Окса см.: [2, с. 355; 1, с. 16; 11, р. 23].

² Эллинистическая датировка статуи доказывается ее греческим стилем и тем, что, согласно И.Р. Пичикиану, пол двора, насланный на высоте 0,10-0,15 м над материком, и с которого был возведен постамент статуи, «соответствует уровню, по которому шло первое крупное разрушение храма», произведенное юэчжами во 2-й пол. II в. до н. э. [2, с. 122]. Следовательно, этот пол был наслан до юэчжийского вторжения.

³ На рис. 1, заимствованном нами из труда Б.А. Литвинского и И.Р. Пичикиана – «колонный айван». Тем не

менее, данный термин, используемый Б. А. Литвинским и И. Р. Пичикианом [1, с. 113 и др.], представляется нам менее удачным, чем используемый П. Бернаром термин «портик» (portique) [7, р. 83 et al.]. Хотя в Средней Азии айванами традиционно называют плосковерхие портики, подобные портику храма Окса, историки архитектуры чаще обозначают этим термином парадные купольные и полкупольные сени, впервые появившиеся в архитектуре Парфянского царства и позднее получившие распространение в мусульманской архитектуре [10, р. 153].

Двери в боковых стенах зала вели в узкие коридорообразные помещения (т. н. коридоры 1 и 3). Из этих последних можно было также пройти в сходные коридоры 2 и 6, находившиеся позади зала. Весьма значительное число культовых приношений и монет, найденных в этих коридорах (особенно 2 и 6), позволяет считать их хранилищами [2, с. 71-97]. В коридоре 6, помимо прочих предметов, была найдена статуэтка речного божка, на постаменте которой было выбито посвящение богу Оксу, послужившее основанием для определения храма как храма Окса [2, с. 86-87, 304-307; 3, с. 184-204]⁵.

⁴ На рис. 2 обозначены также ботросы и иные объекты постэллинистического периода.

⁵ Мы сознательно не рассматриваем здесь объекты, выстроенные с пола 2А в основной части храма, соглашаясь с точкой зрения И.Р. Пичикиана, который датирует этот пол позднее юэчжийского завоевания [2, с. 54]. А. Дружинина предложила считать данный пол эллинистическим.

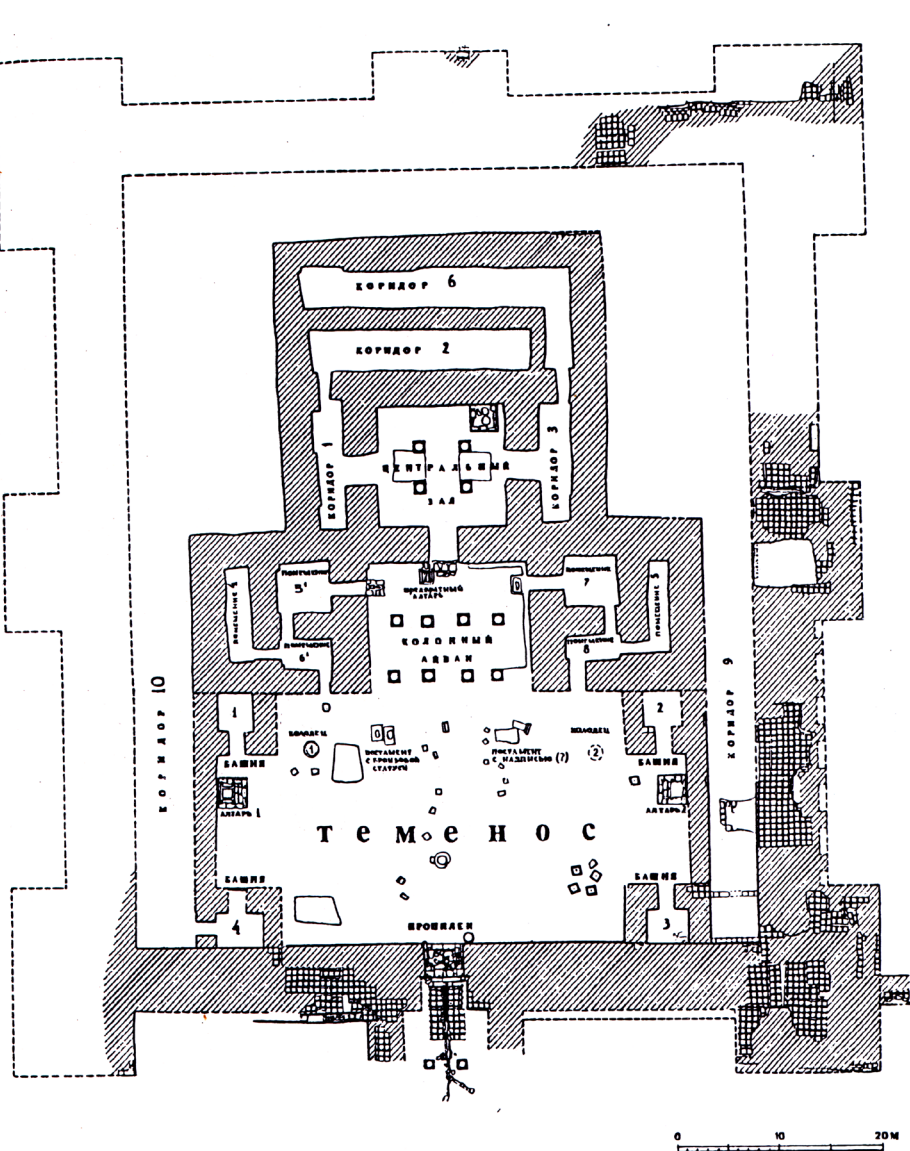

Рис. 1. [2, табл. 13]

ческим на основании того, что он лежит примерно на той же высоте над материком (0,25-0,3 м), что слой на площади х за воротами комплекса храма Окса (0,22-0,3 м), с которого была возведена кладка, похожая на кладку алтарей во дворе храма, надежно датированных эллинистическим периодом по нанесенным на них буквенным меткам [9, С. 278-279]. Однако она забывает, что алтари возведены с меньшей высоты (0,10 и 0,18 м) [2, с. 172]. С нашей точки зрения, смена слоев на площади и полов внутри храмового здания не обязательно должны были быть синхронными. Аргументация И.Р. Пичикяна в пользу юэчжийской даты пола 2 выглядит более весомой, поскольку она основана на конкретных монетных находках. В коридоре 6 на полу 1А была найдена монета Евкратида I – одного из поздних царей Греко-Бактрии [2, с. 95, 401].

Это говорит о том, что в конце эллинистического периода пол 1А еще не был перекрыт слоем 2А. Самыми поздними монетами, найденными в спущенных с пола 2 ботроссах № 3 и № 4, являются монеты кушанского царя Вимы Кадфиза. В ботросе № 4 представлены исключительно чеканы Сотер Мегаса и Вимы Кадфиза (т. е. эллинистический чекан вообще отсутствует), а в ботросе № 3 основная масса монет (69 экземпляров) представлена подражаниями драхмам парфянского царя Фраата IV (ок. 40-3 гг. до н. э.) [2, с. 59]. Все это говорит о том, что данные ботроссы заполнялись уже в постэллинистический период. Кроме того, мощный натек 2 толщиной 0,15 м между полами 1А и 2А [2, с. 54], на наш взгляд, мог образоваться только во время запустения храма после юэчжийского завоевания.

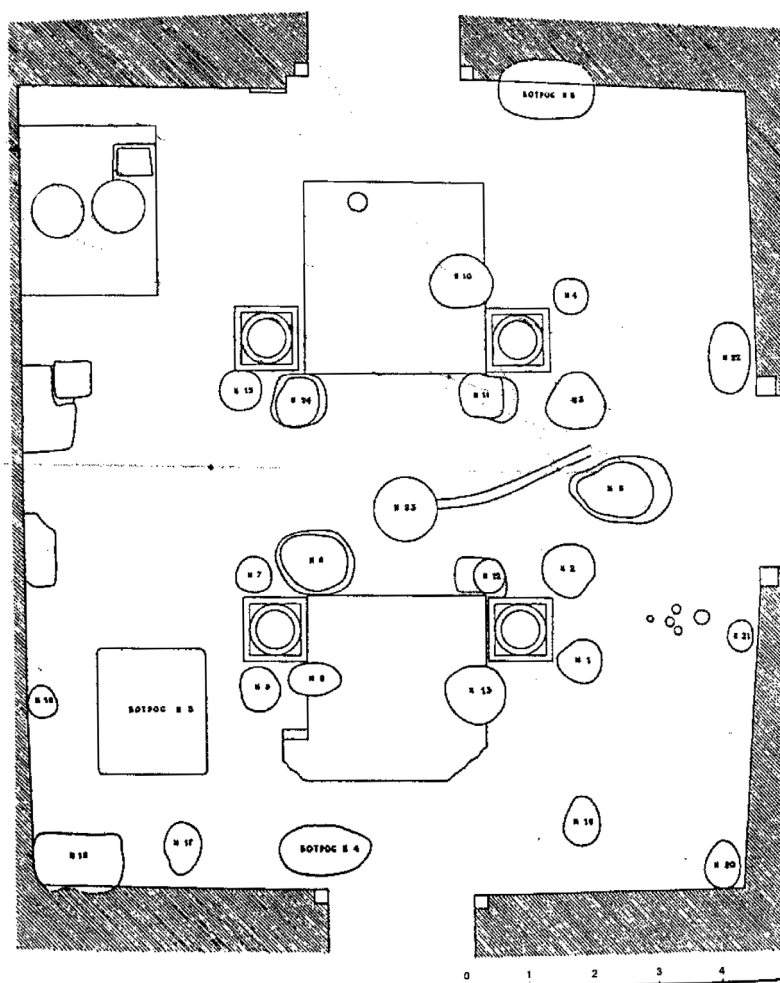

Рис. 2 [2, табл. 11]

В крыльях, чья планировка была абсолютно симметричной, было по три помещения. Особый интерес среди них представляют комнаты 5' и 7, выходы из которых, снабженные мощными папертиями¹, располагались по бокам от портика. В этих помещениях находились алтари огня (в помещении 7 алтарь сохранился полностью, в помещении 5' разрушен)². К по-

¹ Термин впервые использован в данном контексте П. Бернаром (parvis) [7, р. 93]. И. Р. Пичикян использует термин «трибуны» [2, с. 98]. С нашей точки зрения, этот последний менее удачен, поскольку не относится к сфере религии.

² Вызывает удивление тот факт, что Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян приводят только описание, но не фотографии или зарисовки алтарей огня, несмотря на то, что именно их авторы считают главными культовыми объ-

мещению 7 примыкает помещение 5, на полу которого сохранился 18-сантиметровый слой священной золы [2, с. 97-113].

Руководители раскопок храма на их ранней стадии, Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян, полагали, что важнейшими культовыми объектами в храме Окса были алтари огня и определяют данный храм как храм огня [2, passim]. С другой стороны, крупнейший специалист по зороастризму, М. Бойс, считала, что это был «храм со статуями и вспомогательными помещениями для почитания священного огня», обосновывая это тем, что в самом крупном помещении храма – зале –

ектами храма.

следы культа огня отсутствуют, а объекты на пьедестале в северо-западном углу могли быть не алтарями, а базами статуй [8, р. 178]. Швейцарский исследователь К. Рапен также пишет, что, по его мнению, боковые крылья «были необходимы для отправления дополнительных церемоний (культов)» и что «культ огня... без сомнения, не был главным культом» храма Окса [6, с. 135]¹.

Аргументы Б.А. Литвинского и И.Р. Пичикяна в пользу их точки зрения сводятся к следующему: 1) алтари огня были самыми высокими объектами храма; 2) никто, кроме жрецов, не мог их видеть, что придавало им особую сакральность.

Б.А. Литвинский утверждает, что алтари огня «занимали акцентированное, выдающееся место, господствуя в высотном отношении», «были как бы «вознесены» и «парили» над остальной частью храма и находящимися там верующими» [2, с. 359]. Однако это не так. Согласно описанию, приводимому самими этими авторами в 1 томе издания «Эллинистический храм Окса в Бактрии», основание сохранившегося алтаря огня было намазано на материк на 0,2 м ниже реперной отметки. Пол атешгаха вокруг алтаря был выложен кирпичом, верхняя поверхность которого располагалась примерно на одном уровне с отметкой 0. Вершина алтаря и возвышалась над реперной отметкой на 1,02 м [2, с. 104, 107]. На такой же и даже чуть большей высоте (+1,05 м) находился древнейший (относящийся к эллинистическому периоду) пол самого западного помещения храма – коридора 6². Совершенно очевидно, что алтарь огня не мог «парить над головами» тех, кто ходил по этому полу – равно как и тех, кто находился

в коридоре 2 (высота +0,95 м от репера) [2, с. 52], а также в коридорах 1 и 3 и в главном зале (+0,05 м) [2, с. 52, 54, 71].

Подъем уровня пола в коридорах 6 и 2 обусловлен тем, что они были врезаны в склон горы [2, с. 78]. Поскольку эти помещения служили хранилищами культовых приношений, они, вопреки своей высоте, не могли быть более значимыми в сравнении с другими помещениями храма. По-видимому, соотношение уровня пола в разных частях храма Окса вообще не имело символического значения, а нарастание высотных отметок с востока на запад (с наиболее сильным перепадом как раз внутри храмового здания, между центральным залом и коридором 2) [2, с. 52] обусловлено рельефом местности, быстро поднимающейся от Пянджа к вершинам хребта Тешик-Таш [4, с. 477]³.

Касаясь акцентированного положения отдельных объектов, следует обратить внимание на статую во дворе храма. Ее постамент был возведен с уровня пола 0,1 м над материком, который на площади лежит в среднем примерно на 1 м ниже репера [2, с. 52]. Высота постамент – 1 м, а предполагаемая высота самой статуи, реконструируемая по сохранившейся ноге – не менее 5 м [2, с. 123]. Таким образом, именно статуя «парила над головами» людей, в какой бы части храма те не находились.

Кроме того, неясно, почему соотношение высот следует считать основным критерием при определении значимости того или иного объекта. Представляется, что соотношение размеров объектов или их место в архитектурной композиции храмового ансамбля имеют не меньшее значение. Между тем совершенно очевидно, что алтарь огня значительно уступал по высоте той же статуе во дворе. Атешгахи как помещения, даже вместе взятые, также уступали по своей площади (54 м²) портику (220 м²), залу (149 м²) и даже обводным коридорам 6 (99 м²) и 2 (70 м²). По отдельности они (27 м²) превосходили только помещения 6³ и 8 (13,5 м²)⁴.

¹ Можно упомянуть также точку зрения П. Бернара, полагавшего, что крылья храма, в которых находились алтари огня, построены позднее основной части, в постэллинистический период, и что сами алтари были выстроены не с материка [7, р. 84-90]. Однако эти выводы были основаны на предварительной неполной публикации материалов храма. Более поздняя полная публикация выявила неправоту французского специалиста [см. 2, с. 97, 103-105].

² Высота материка в коридоре – +1,0 м [2, с. 52, 91], высота эллинистического пола 1 во всех внутренних помещениях храма – 0,05 м [2, с. 71, 91].

³ См. также инструментальную съемку местности вокруг городища с отметками высот [2, табл. 11].

⁴ Вычислено нами с помощью [2, табл. 12].

С точки зрения общей композиции ядром архитектурного ансамбля Тахти-Сангинского храма, несомненно, был зал. Одного взгляда на план достаточно, чтобы убедиться в стремлении его создателей к строгой симметрии, ось которой проходит именно через зал.

Вход в него располагался на одной оси с пропилями, которая одновременно являлась осью симметрии и самого зала, и коридоров по бокам от него, и портика, и двора, и даже большинства объектов, располагавшихся на территории этого последнего, включая алтари, боковые колоннады, угловые башни, и, наконец, боковых крыльев, в которых располагались атешгахи, и самих атешгахов. Расстояние от западной стены зала до такой же стены храмового здания составляло 18,8 м; такое же расстояние от восточной стены зала до восточных стен крыльев-ризалитов, лежавших на той же линии, которая ограничивала с востока пространство портика, составляло 17 м¹. Погрешность, как видим, невелика (около 10 %).

Можно представить, что архитектор, создававший храм, прежде всего наметил местоположение зала, а затем уже «наращивал» вокруг него все прочие составляющие комплекса, которые как бы «стягивались» к нему. Первым, что видел перед собой человек, входивший в храмовый комплекс через пропилю, был мощный портал зала в глубине портика. Путь через двор в сторону храма, несомненно, воспринимался как медленное и торжественное приближение к portalу. С другой стороны, узкие проходы в атешгахи были заметны лишь тем, кто уже вошел в портик.

Что же касается самих атешгахов, то отведенная им роль боковых помещений ясно указывает на их *побочное* значение. При желании можно усмотреть некий смысл в том, что их западные стены совпадают с центральной поперечной осью комплекса². Однако с этой же осью совпадает линия храмового фасада; на ней же располагается упомянутый выше портал. Собственно, именно портал и был местом пересечения продольной и поперечной

центральных осей, т. е. центром храмового комплекса. Последнее окончательно устраняет сомнения в том, что планировка комплекса была глубоко продуманной, а соотношения его частей – символически значимыми.

К этому следует прибавить, что поперечная ось менее важна, чем продольная, поскольку она не являлась осью симметрии и не была выделена визуально.

Столь явную «затертость» атешгахов по сравнению с другими частями комплекса компенсируют лишь парадные паперти у их входов. Однако все остальные признаки (включая внешний вид примыкавших к этим портикам узких входов в атешгахи, менее парадный, чем вид портала)³ указывают на то, что роль этих помещений, а следовательно, и совершавшихся в них обрядов, была второстепенной.

Пытаясь доказать особое значение атешгахов, Б.А. Литвинский неоднократно подчеркивает, что вход в них был разрешен только жрецам и что священное пламя, горевшее на их алтарях, нельзя было увидеть, находясь за пределами атешгаха. По его мнению, это соответствует практике зороастризма, предписывающей скрывать священный огонь от глаз простых верующих.

Первое утверждение основано на малой ширине проходов, ведущих в атешгахи (1 – 1,2 м) и значительной площади алтарей, оставляющих весьма ограниченное свободное пространство [2, с. 97-98]. Эти признаки действительно указывают на то, что атешгахи не были предназначены для нахождения в них большой массы народа, т. е. совершаемые в них ритуалы не были публичными. Однако отсутствие публичности и безусловный запрет на вход кого-либо, кроме жрецов – это не одно и то же. Достаточно вспомнить алтари христианских церквей, которые также имеют сравнительно малую площадь. Однако вход в них для мирян ограничен, но не запрещен⁴. С другой стороны, некоторые древние

¹ [2, табл. 12]

² Найдена с помощью [2, табл. 13].

³ Ширина проходов составляла 1-1,2 м, в то время как ширина портала – 3 м [2, с. 113].

⁴ Более того, в некоторых случаях он предписывается (так, новокрещеного мужского пола обязательно вводят

религии знали крупные помещения, в которые, тем не менее, профаны заходить не могли – например, зал для посвящений (Телестерион) в Элевсине площадью 54 x 52 м [5, с. 134]. Эти примеры показывают, что наличие или отсутствие ритуальных ограничений на вход в то или иное помещение нельзя выявить чисто археологическими методами.

О том, что священный огонь все же был виден снаружи, из портика, приходится говорить со всей определенностью. Пол прохода, который вел из портика в атешгах 7, располагался приблизительно на высоте +0,6 м, а вершина главного алтаря огня, расположенного на одной оси с этим проходом, – на высоте +1,02 м [2, с. 104]. Очевидно, что потолок в проходе не может отстоять от пола меньше, чем на 0,42 м (!)¹, поэтому приходится признать, что огонь алтаря был виден тем, кто смотрел на него из портика через открытый проход. Правда, проход прикрывался дверными створками, но нет никаких данных, говорящих о том, что они не открывались в присутствии молящихся. Скорее створки служили для предохранения огня от порывов ветра. Более того, тот факт, что паперти имелись лишь у выходов из атешгахов, указывает на стремление придать входу и выходу жрецов через эти двери особую торжественность. Вероятно, эти входы и выходы совершались публично. Поскольку сам Б. А. Литвинский считает, что доступ в портик не был закрыт для простых молящихся и что те, находясь в нем, могли молиться, обратившись в сторону алтарей огня [2, с. 359] (что, впрочем, ничем не подтверждается, но и не опровергается), остается признать, что во время таких молений народ мог видеть горящее на алтарях священное пламя

М. Бойс полагает, что расположение дверей, соединяющих помещение 8 с двором и атешгахом 7, на разных осях «не позволяло случайному взгляду упасть на священный в алтарь».

¹ Даже до нашего времени он, насколько можно судить, сохранился на большую высоту. Во всяком случае, И.Р. Пичилян пишет, что северная и южная стены портика сохранились «на высоту от 3 до 2 м от материка» [2, с. 113].

огонь и предохраняло последний от порывов ветра» [8, р. 175]. Таким образом, она допускает возможность ограничений созерцания огня мирянами, однако не утверждает, что подобное созерцание было запрещено полностью.

Тем не менее мы полагаем, что в храме все же имелся объект, скрытый от глаз простых верующих, что говорит об особой его сакральности. Мы имеем в виду уже упоминавшуюся конструкцию в северо-западном углу зала. Ее расположение не отвечает принципам строгой симметрии, которыми в большинстве случаев руководствовались строители храма. Сложная планировка боковых крыльев-ризалитов, являющихся словно бы зеркальными отражениями друг друга, доказывает, что это чувство было развито у них в высокой степени. Тем более странно, что объект, находившийся в глубине зала, столь резко сдвинут в сторону относительно центральной оси храма и симметричная ему пара в юго-западном углу зала отсутствует. Будь он расположен на одной оси с пропилеями и порталом, он служил бы блестящим завершением ансамбля. Зритель, входящий в пропилеи, видел бы прямо перед собой величественный портал, далее, по мере приближения к нему – трехуровневую композицию в глубине зала. Вместо этого в глубине портала виднелась лишь беленая задняя стена зала, а по бокам просматривались колонны, подпиравшие кровлю. Проявившееся в других частях храма стремление поразить зрителя, создать вокруг него эффектную обстановку, дало грубый сбой именно там, где оно могло быть удовлетворено с наибольшим успехом.

Даже тому, кто уже вошел в зал, было бы поначалу весьма неудобно рассматривать эту конструкцию. При взгляде на план зала становится ясно, что северо-западная и северо-восточная колонны должны были служить серьезным препятствием для обзора конструкции. Даже тот, кто стоял в оптимальной позиции (близ южной стены портала), не мог обозреть ее целиком, а стоявший близ северной стены не мог видеть ее вообще. Колонные базы высотой 0,6 м [2, с. 142], считая от материка, должны были полностью загораживать

сохранившуюся до настоящего времени часть конструкции, имевшую высоту 0,55 м. Известные объекты, стоявшие на цилиндрических базах, были полностью или частично видны в зазор между стволами колонн, и, тем не менее, даже они явно не были предназначены для рассматривания со стороны портала. Вполне возможно, что со временем обзор стали загораживать также предметы, стоявшие на северной платформе (маловероятно, чтобы платформы, примыкающие к колоннам, были самостоятельными сооружениями). По мере продвижения в глубь зала ситуация не улучшалась. Северо-западная колонна все больше мешала обзору, так что конструкцию нельзя было полностью охватить взглядом до тех пор, пока зритель не оказывался в дальней, западной трети зала. Впрочем, и здесь для того, чтобы рассмотреть ее, он должен был целенаправленно повернуться к ней лицом.

Собственно, из всего пространства зала только западная треть была подходящим местом для осмотра интересующего нас объекта, так как человеку, находившемуся в северной части зала, мешало уже устройство самой конструкции: предмет, стоявший на восточной цилиндрической базе. Он загораживал бы тот, что стоял на западной базе, а узкое (0,6 м) пространство между конструкцией и северной стеной явно не было предназначено для нахождения в нем людей. О том, сколь непригодна для обзора конструкции была самая дальняя от нее, южная треть зала, говорить не приходится.

Стоило строителям хотя бы приблизительно соблюсти симметрию и возвести конструкцию ближе к центральной оси храма и зала, все эти неудобства были бы ликвидированы. Отсюда можно сделать вывод, что конструкцию целенаправленно стремились скрыть, и в первую очередь – от глаз тех, кто находился вне зала, в портике. От них она была и вовсе надежно скрыта 4-метровой глубиной портала.

Это означает, что в храме действительно имелось сооружение, которое строители целенаправленно возвели так, чтобы его нельзя было увидеть из-за пределов того помеще-

ния, где оно находилось. Но этим сооружением был не алтарь огня, а помещением – не атешгах. Поскольку конструкция в северо-западном углу является единственным сооружением зала, возведенным прямо с материка, в то время как платформы, примыкающие к колоннам, были возведены с первого пола, то совершенно очевидно, что первоначально она была единственным сооружением зала (если не считать колонн, подпиравших кровлю). Ее сложность и монументальность позволяет предположить, что ради нее зал и возводился. На основании приведенных аргументов мы приходим к следующим выводам: 1) зал был важнейшим помещением храма; 2) интересующая нас конструкция была его сердцем, его главным культовым объектом.

И.Р. Пичикян считает цилиндры на платформе в северо-западном углу зала «основаниями для круглых алтарей» [2, с. 65]. Доказательством служит находка во дворе храма круглого алтаря с отверстием для либаций, нижняя четверть которого была отбита. Диаметр основания этого алтаря, по словам И. Р. Пичикяна, близок диаметрам цилиндров. Однако точная его величина не указывается [2, с. 124].

В другом месте И.Р. Пичикян и Б.А. Литвинский предлагают иную версию, согласно которой на «алтарь в центральном зале» помещались «тлеющие угольки», перенесенные с алтарей огня в атешгах [2, с. 206]. В таком случае алтарь для либаций уже не может иметь отношения к конструкции в зале. То обстоятельство, что во втором случае речь идет о единичном «алтаре», а не «алтарях» в зале, вызывает недоумение. Непонятно, о каком алтаре идет речь. Полагали ли Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян, что один из алтарей на постаменте в зале предназначался для либаций, а другой – для возложения на него угольков? К сожалению, они не уточнили этот вопрос. В целом эта версия представляется противоречивой.

Б.А. Литвинский полагает, что аналогом конструкции в северо-западном углу зала храма Окса являются сооружения I-II вв. н. э., найденные в Селевкии-на-Тигре, а именно «полуовальная платформа, облицо-

ванная кирпичом, со штукатурной декорацией. Перед ней алтарь из известняка с колонной высотой 71 см. Имеется еще одна колонна. На вершине колонн – углубление. Полагают, что это – святилище. В другом здании (комнаты 203, 205 и 208) алтарь огня грушевидной формы также помещался на платформе» [2, с. 360, прим. 58]. Нам, однако, неясно, в чем именно здесь состоит аналогия. Платформа в храме Окса не полуовальная, а прямоугольная, предполагаемые алтари на ней не грушевидные, а цилиндрические, и никакого «алтаря с колонной» в храме Окса вообще не имеется.

Нельзя не учитывать мнение крупнейшего специалиста по зороастризму, М. Бойс, утверждавшей, что такая церемония, как перенос угольков, не отмечена ни в источниках, ни в практике современных зороастрийцев [8, р. 179]. Эта же британская исследовательница предполагает, что рассматриваемые «алтари» в действительности были постаментами статуй [8, р. 178]. Если учесть, что большая часть скульптур, найденных в храме Окса, выполнена в греческой традиции [см. 3, с. 171-272], уместно обратиться к данным раскопок в Греции. К. Явис пишет о найденном в Олимпии к востоку от булевтерия «плоском барабане» высотой 0,63 м и диаметром 1,19 м, лежащем на «низкой квадратной платформе» (low square plinth), что «обнаружившие его специалисты сочли его алтарем, но это неправдоподобно. Скорее речь идет о базе некой статуи или памятника». То же самое верно, по его мнению, относительно похожей прямоугольной базы [12, р. 144]. Сходство описанного объекта с цилиндрами в храме Окса очевидно и намного более велико, чем в случае с конструкциями в Селевкии-на-Тигре, не совпадают лишь размеры и число баз на постаменте. Следовательно, по мнению автора важнейшей монографии, посвященной греческим алтарям, такого рода объекты вполне могли служить базами не только для алтарей, но и для статуй. Примечательно, что К. Явиса не смущает отсутствие следов крепления; ясно, что статуи небольших размеров не всегда в нем нуждались.

Таким образом, представляется вполне вероятной правильность точки зрения М.

Бойс, согласно которой главным объектом почитания в храме были статуи божеств. Во всяком случае, следует согласиться с ней и К. Рапеном в том, что культ огня имел для храма Окса второстепенное значение (и, соответственно, неправомерно называть данное святилище храмом огня). Главным культовым помещением храма был зал, а наиболее почитаемым объектом – платформа в северо-западном углу зала и то, что на ней располагалось, что бы это ни было.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Коровчинский И.Н. Культы эллинистической Бактрии (на материалах «храма с уступчатыми нишами» в Ай-Ханум и храма Окса в Тахти-Сангине): автореф. дис ... канд. ист. наук. – М., 2007. – 20 с.
2. Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан): в 3 т. – Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. – М.: Восточная литература, 2000. – 503 с.
3. Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан): в 3 т. – Т. 3. Искусство. Художественное ремесло. Музыкальные инструменты. – М.: Восточная литература, 2010. – 664 с.
4. Пичикян И.Р. Тахти-Сангин. Открытие культовых закладов. // Археологические открытия 1980 года. – М.: Наука, 1981. – С. 477-479.
5. Полевой В.М. Искусство Греции. Древний мир. – М.: Искусство, 1970. – 327 с.
6. Рапен К. Святилища Средней Азии в эпоху эллинизма (состояние вопроса) // Вестник древней истории. – 1994. – № 4. – С. 128-139.
7. Bernard P. Le temple de dieu Oxus à Takht-i Sangin en Bactriane: temple du feu ou pas ? // *Studia Iranica*. – T. 23. – 1994. – № 1. – P. 81-121.
8. Boyce M., Grenet F. *History of Zoroastrianism*. – Vol. 3. *Zoroastrianism Under Macedonian and Roman Rule*. – Leiden: Brill, 1991. – 597 p.
9. Drujiina A. Die Ausgrabungen in Taxt-i Sangin im Oxos-Tempelbereich (Süd-Tad̄ikistan). Vorbericht der Kampagnen 1998-1999. // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. – B. 33. – 2001. – S. 257-282.
10. Grabar O. *Ayvân* // *Encyclopedia Iranica*. – Vol. 3. – Fasc. 2. – London – New York, 1987. – P. 153-155.
11. Shenkar M. Temple Architecture in the Iranian world in the Hellenistic period // *From Pella to Gandhara: Hybridization and identity in the art and architecture of the Hellenistic East*. – Oxford: Archaeopress, 2011. – P. 117-139.
12. Yavis C. *Greek Altars*. – St. Louis: St. Louis University Press, 1949. – 266 p.